

## ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА

Отмеченная в названии статьи проблема может быть сформулирована в форме следующего вопроса: что представляет собой сущность языка (если она есть) и где и как эта сущность может быть представлена в пространстве и времени или вне их. На этот традиционный вопрос наиболее обобщенно и так же традиционно существует два ответа: (1) язык существует в людях, то есть в обществе или в народе (антропологический подход - два варианта: субъектный и социологический) и второй ответ (2) - язык существует в мире или в Боге и только уже потом может использоваться людьми (так называемый логистический подход или библейная интерпретация; тоже два варианта - язык Бога и язык Мира-Бытия).

Вышеотмеченные возможности понимания сущности языка представлены в основных типах языкового мышления, например, в обыденном, научном и эстетическом. В обыденно-бытовом стиле мышления, который прежде всего представлен разговорным функциональным стилем языка, понимание сущности языка сводится к обыденным представлениям языка как речи (процесса) или текстов. Примечательно, что такое представление часто сохраняется в несколько усложненном варианте и в научном стиле, в том числе даже у лингвистов. Обыденное мышление допускает, что язык где-то есть и существует как явление, что человек им пользуется, но вопрос, где язык есть и существует как явление, как представлен и как используется - такие вопросы в обыденном мышлении не поднимаются, не ставятся и не решаются по причине ненужности.

В эстетическом типе мышления такому явлению как язык уделяется гораздо большее внимание. По этой причине уже можно заметить наличие двух противоположных тенденций в оценке сути языка: с одной стороны, язык акцентируется как средство, ведущее к заблуждениям, а, с другой стороны, язык акцентируется как откровение, как величайшее достояние человека. Наиболее типично данные дихотомии в художественном стиле проявляются, с одной стороны, в известной художественной метафоре «слово сказанное - ложь», а, с другой стороны, в не менее известных метафорах «слово правды», «слово сердца», «истинное слово» и др. Примечательно, что очень редко данные противоположности понимания языка объединяются в одной художественной системе. Поэтому заслуживает особого внимания художественное осмысление языка Б.Гребенщиковым.

В творчестве Б.Гребенщикова язык трактуется одновременно как сущность совершенно излишняя, пустая и ведущая к заблуждениям и в то же время как сущность, руководящая и направляющая человека к своей истинной природе. Язык представлен именно так, хотя и не объясняется, как это достигается и как это может быть объединено в одном явлении. См. например, первое отмеченное понимание языка как излишнего или напрасного средства общения: «Слова безразличны, как нож» («День серебра», 1984), «Мне не нужно слов, чтобы сказать» («Синий альбом» 1981), «Я не уверен, хочу ли я что-то сказать» (Табу, 1982), «Слова - пустоцвет» («Лилит», 1997), «забудь о словах и

стань травой» («Библиотека Вавилона», 1993), «Я знаю, что все, что они говорят - слова» («Скоро кончится век», 1995), «Молчи! слова - это смерть» («Библиотека Вавилона», 1993), «говорящий не знает, а знающий не говорит» («Лилит», 1997).

И наоборот, вот лишь некоторые из прямо противоположных примеров сакрализации языка: «Я бы все объяснил, но я не помню истинных слов» («Лилит», 1997), «Одно слово и больше не будет больно» («Пси», 1999); «Теперь нас может спасти только сердце, потому что нас не спас ум» («Письма капитана Воронина», 1993). Язык мышления сердца - это сакральный язык иного мира. Знать Слово этого языка - значит найти связь с сакральным миром: «Господи свят, научи меня имени моей тоски!» («Пси», 1999). Человеческий язык становится не только посредником между человеком и окружающим миром, но и посредником между человеком и Истиной: «Между мной и тобой каждое мое слово» («Пси», 1999). Подобное понимание истинного языка (Слова) родственно христианской философии Х.-Г.Гадамера: «Истинное» слово, *verbum cordis* (слово сердца), совершенно независимо от чувственных явлений» (Гадамер, 1998: 488), «в языковом оформлении человеческого опыта мира обретает голос само сущее в том виде, в каком оно являет себя человеку» (там же: 527).

Эти два подхода в эстетике словесного творчества **имеют** множество интерпретаций, но так или иначе они стремятся в конечном счете к локализации языка либо в субъекте, либо, наоборот, вне субъекта - во Вселенной или в Боге.

Так же и в научном типе мышления эти два полярных решения представлены как в чистом виде, так и во многих разновидностях. Например, логический субъективист Л.Витгенштейн в преимущественно антропологическом подходе представил две теории языка: одну рационалистическую с тяготением к панлогицизму (феноменологизация языка) и вторую функциональную. Младограмматики провозглашали изучение индивидуального языка, однако тем не менее исследовали индивидуальную речь. Онтологически реалистскими являются теории языка М.Хайдеггера и Х.Гадамера. Субъективистко-антропологическими можно назвать теории языка А.Потебни, Ф.Соссюра, И.Бодуэна де Куртене и др.

Материалистическая, позитивистская методология в философии и психологический, ономаσιологический подход в языкознании однозначно определяют полную зависимость языка от человека, его инструментальную роль, а поэтому и несовершенство языка, а также зависимость языка от обозначаемых им референтов, образов и понятий, то есть от внелингвистических категорий. Это традиционные психологические и социологические теории языка А.Лурии, С.Рубинштейна, А.Леонтьева и в целом языкознания периода социализма. Но также это некоторые теории и школы интуитивизма, психоанализа, индуизма и буддизма. В творчестве, например, интуитивиста А.Бергсона такая позиция четко обозначена: «наша речь несовершенна: она не приспособлена к тому, чтобы передавать тонкости психологического анализа» (Бергсон 1992, 56), ср. также в психоанализе: «Субъект не знает, что говорит» (Лакан 1999, 351) и др.

В одной методологии личность равна себе и самоценна, как например, в эмпиризме, позитивизме, бихевиоризме и материализме, также язык равен себе и самоценен как составляющая субъекта (как, например, в теориях Бодуэна де Куртене, де Соссюра и др.). Но в другой методологии личность больше самой себя и не самоценна, как например, во многих религиях, в философии Платона, Гегеля, Хайдеггера, Гадамера и др., так же и язык не самоценен в субъекте, так как он не признается составляющей субъекта, а признается чем-то надличностным («дух народа» в теории Гумбольдта) и даже сверхсоциальным (в теориях М.Хайдеггера и Г.Гадамера). Вульгарный социологизм можно рассматривать как своего рода переходную ступень от субъективистских теорий языка к теориям языка логистическим и метафизическим.

Феноменологическая, реалистская, рационалистическая методологии в языкознании подчеркивают не только зависимость человека от языка, но и определяемость человека языком: «...человек требуется, чтобы вывести беззвучный сказ в звучание речи...»

(Хайдеггер 1993, 269). Из данной цитаты следует, что сказ возможен без человека, а человек лишь озвучивает его. Такие теории являются, по преимуществу, семасиологическими в методологическом отношении теориями языка. Особенно последовательно сверх-субъектность и сверхсоциальность языка подчеркивает Г.-Х.Гадамер: «...в языковом оформлении человеческого опыта мира обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» (Гадамер, 1988: 527), «правильнее было бы сказать, что не мы говорим на языке, но язык говорит на нас. ...язык не есть наше действие, но деяние самого дела» (там же: 536-536).

Подобно и в логистическом подходе представлены близкие и неблизкие варианты реалистского понимания языка. Даже сторонник субъективной природы семиотической деятельности У.Эко, остро критикуя феноменологизацию языка М.Хайдеггера, тем не менее считает допустимым утверждать: «Не мы говорим с помощью языка, а язык говорит с нашей помощью... Знать границы, внутри которых язык говорит через нас, это значит не верить сказкам об изливаниях творческого духа, свободном полете фантазии...» (Эко 1998, 30) и др.

Вышеотмеченное подчеркивает неоднозначность многих аспектов сходства и различий категорий «субъект - язык». Классическим решением неоднозначных отношений личности и языка являются теории Потепни, Ф. де Соссюра, И.Бодуена де Куртене, Л.Щербы, Л.Выготского и др., которые знаменуют субъективно-социологические школы в языкознании и требуют учета социума в этих отношениях, а также, что самое важное, требуют уточнения многозначного термина язык (*language*) и разделения в нем, как минимум, собственно языка (*langue*), речевой деятельности (*parole*) и текстов, что попросту игнорируется философами и даже нередко лингвистами.

Бесспорно, что противоположность решения проблемы в первую очередь определяется верой или, в случае философии и науки, методологией (что в принципе почти то же самое), а также тем, что польский философ Татаркевич называет максималистские и минималистские установки. «Від самого початку філософські пошуки різняться між собою тим, що в одних переважає сміливість, а в інших обережність» (Татаркевич, 1999: 8). Однако решающее значение имеет не только вера или методология: значительное влияние на интерпретацию может оказать глубина и объем знаний, например, понимание значения слова или термина «язык». Максималистские установки, к примеру, часто сопутствуют невнимательности к многозначному значению слов и терминов и свободному употреблению их без уточнений.

Во многом уточняют и разрешают проблематику минималистские научные теории. Однако они требуют далеко не поверхностного внимания и последовательного употребления терминологии. Термины теории Ф.Соссюра вызывают сложность в переводах на европейские языки, в том числе на русский. Русская наука имеет свою традицию в деятельностном понимании языка - это теории языка Л.Щербы, Л.Выготского, А.Леонтьева и др., чего не скажешь о польском языкознании. На польских научных конференциях очень частым является следующий вопрос - что вы понимаете под термином «językowa działalność»? Вопрос не случаен, а закономерен, поскольку категория деятельности в польской лингвистической литературе непривычна в применении к категориям языка и речи. В российском языкознании Н.А. Слюсарева, анализируя возможности перевода терминологии Ф.Соссюра, заключает следующее: «...в качестве эквивалента триаде *langage - langue - parole* мы используем триаду *языковая деятельность - язык - речь*» (27). Близкая, но не идентичная триада представлена в статье Л.В.Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1927 г.): речевая деятельность — языковая система — языковой материал.

В предложенной Л.В.Щербой интерпретации не со всем можно согласиться. В первую очередь это касается понимания отношений личности и общества, идиолекта и социолекта. В терминологии Ф.Соссюра представлены категории языка как системы, речи как деятельности и обобщающая их родовая категория «языковой деятельности».

В терминологии Л.Щербы представлены категории языка как системы, речи как деятельности и текста как ее результата, при этом отсутствует обобщающая родовая категория. Конечно, не это главное. Более важным является трактование данных категорий и особенно понимание взаимообусловленности в отношениях «субъект - социум». При всех явных чертах субъективистско-апостериорного понимания языка в теории Л.Щербы очень заметно представлен крен к реалистскому трактованию языка в виде социологизма.

Проанализируем следующую цитату Л.Щербы: «Прежде всего возникает вопрос, в каком отношении находится «психофизиологическая речевая организация» владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе. Очевидно, что она является ее индивидуальным проявлением. В идеале она может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно называть «индивидуальными языками», если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность. И действительно, если индивидуальные отличия речевой организации того или иного индивида оказываются слишком большими, то уж этим самым данный индивид выводится из общества, как например мы это и видим у сильно косноязычных, некоторых умалишенных и т.п. Терминологически, может быть, лучше всего было бы говорить поэтому об «индивидуальных речевых системах» (Щерба, 1974; 27-28). Как следует из приведенного понимания, Л.Щерба считает, что языком является «нечто, имеющее прежде всего социальную ценность», поэтому он утверждает, что «терминологически, может быть, лучше всего было бы говорить об «индивидуальных речевых системах». Тем самым, язык для Л.Щербы, во-первых, становится неким социальным явлением, а, во-вторых, речь становится системой. Кроме того, Л.Щерба считает, что языковая система всего лишь выводится лингвистами из языкового материала.

Никак нельзя согласиться и со следующей трактовкой Л.Щербой языковой системы: «Что же такое сама языковая система? По-моему, это есть то, что *объективно заложено в данном языковом материале* и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и *надо искать источник единства языка* внутри данной общественной группы (выделение наше - МЛ.)» (Щерба, 1974: 28). Языковая система не может быть объективно заложена в языковом материале. Тем более, вряд ли можно в языковом материале находить «источник единства языка». В приведенной выше цитате недостаточно четко разделены способность к коммуникации, сам процесс коммуникации и результаты коммуникации как разные, хотя и смежные явления.

О возникновении и изменении языка и о семиотических отношениях между субъектами имеет смысл говорить, разделяя смежные понятия и явления способности субъекта к самовыражению и коммуникации. Ф.Соссюр понимал социолект как совокупность общающихся индивидуальных языковых систем, которые постоянно (хотя в разной мере кардинальности) изменяются. Точно так же и И.Бодуен де Куртене, чтобы подчеркнуть отличие в изменениях индивидуальных языковых систем и их социальных результатов общения, ввел категорию развития только для индивидуальных языковых систем и категорию истории только для результатов проявления этих индивидуальных систем, то есть текстов. И в таком понимании Ф.Соссюр и И.Бодуен были очень последовательны.

Ф.Соссюр определенное подобие отношений «язык - субъект» подчеркивает, вводя термины «изменение и неизменность языка во времени», «изменение и неизменность языка в пространстве». Ф.Соссюр приводит пример необычной выставки, как он говорит, одного чудака по фамилии Богуславский, который выставил 480 собственных фотографических портретов в одной и той же позе. В течении 20 лет этот человек регулярно отправлялся к фотографу первого и пятнадцатого числа каждого месяца и результаты в виде множества фотографий представил публике. Понятно, что если из этого множества

фотографий взять любые две фотографии, висящие на стене рядом, то это будет один и тот же Богуславский, но если взять номер 480 и номері, то перед нами будут два Богуславских.

Подобным же образом, если бы мы могли регистрировать каждый день проявления языка, то мы бы получили такие изображения языка, которые были бы всегда сходными между собой при переходе от языка одного дня к языку следующего дня, но если бы мы брали изображения языка через каждые 500 лет или даже через каждые 100 лет, то они бы значительно различались между собой, а иногда были бы совершенно различными (см.: Соссюр, 1990: 46).

Социально-индивидуальные аспекты отношений семиотической деятельности коррелируют с категориями времени и пространства: «Язык варьирует во времени, и в то же время он варьирует, или разнится в пространстве. Язык, взятый *в два разных момента времени, не тождествен самому себе*. Взятый в двух более или менее отдаленных друг от друга пунктах на территории своего распространения, *он также не тождествен самому себе*. Два эти обстоятельства, если мы хотим иметь точное представление о фактах, должны всегда *рассматриваться одновременно и непосредственно*. Но в теории мы *вынуждены разделять их, чтобы упорядочить* свое исследование» (Соссюр, 1990: 41). При этом, «...принцип рассмотрения языка в его движении во времени, причем в таком движении, которое никогда, и в этом заключается вся суть дела, не противоречит единству языка во времени (там же: 46-47).

Подобным образом И.Бодуен де Куртене для объяснения субъектно-социальных отношений тоже применяет категории пространства и времени: «Непосредственного пути, непосредственного моста *от источника языковых представлений одного индивидуума* к источнику представлений другого нет и быть не может. Существует только косвенный путь, путь звуковых символов и вообще чувственных, психических связей - так называемой ассоциации, или соединения представлений. В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе, но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю (выделение наше - М.Л.)» (Бодуен де Куртене, 1963: 208). «Таким образом, *история также является развитием, но развитием прерывающимся в своей пространственной протяженности и в своей временной последовательности*. Особей, существующих одновременно, разделяет пространство; особей, следующих друг за другом, разделяет время. Но это разделение не абсолютно, наоборот, как я уже упомянул, лакуны, пустые места между индивидами дают им возможность взаимного понимания и взаимного влияния друг на друга, - одним словом, история является опосредствованным развитием (выделение наше - М.Л.)» (там же: 223).

Соотношение воспроизводимости и продуктивности в языковой деятельности всегда привлекает внимание, однако редко является предметом непосредственно-целостного исследования. Воспроизводимое и продуктивное в языковой деятельности напрямую связано с индивидуальным и социальным. Все говорит о том, что язык как единый феномен не существует. Он распадается вплоть до своих противоположностей на способность и реализацию, речевосприятие и речепроизводство, язык индивидуума, семьи, группы и язык социума и др. И.Бодуен де Куртене представил методологически последовательную теорию, которая позволяет непротиворечиво решать частные вопросы: «Необходимым условием *подлинной истории как прерывающегося развития*, но опосредованно соединенного, является непрерывная продолжаемость общения индивидуумов. Индивидуумы, существующие одновременно, взаимно воздействуют друг на друга. Вновь рождающиеся и подрастающие поколения непрерывно сцепляют одних индивидов с другими, образуя так называемое современное поколение, и так без конца. ... мы можем говорить о развитии целого общества, распадающегося на развитие отдельных единиц. ...то, что у разделенных между собой индивидуумов изменения происходят подобным образом или даже одинаково, зависит, во-первых, *от одинаковости уклада и*

*условий существования, во-вторых, - при психических изменениях - от само собой разумеющегося взаимного общения обобществившихся индивидуумов. Развитие одного индивидуума передается развитию другого индивидуума (выделение наше - М.Л.)»* (Бодуэн де Куртене, 1963: 224).

Принцип непрерывности и изменчивости языка во времени и пространстве объясняет, как многообразные семиотические явления могут изменяться и реально изменяются во времени и пространстве, при этом оставаясь самими собой. Фактор индивидуального психофизиологического мышления и речи (как принцип изменчивости языка) может входить в противоречие как с собственной индивидуальной инвариантной языковой системой говорящего, так и с подобными системами других говорящих конкретной социальной языковой группы или коллектива. Но фактор идиолекта (то есть, языковой индивидуальности) нередко может находить также и отклик в этом социолекте (языковом коллективе). Таким образом, причиной языковых изменений является не только временной или пространственный фактор, но и фактор социально-стратификационный. Фактор социальной стратификации проявляется не во временных или пространственных отличиях, а в социальном расслоении носителей по культурно-профессиональным признакам (то есть, по уровню образования, воспитания, по интеллектуальным и духовным качествам индивидов).

Представленный обзор теорий взаимоотношений идиолекта и социолекта показывает, что, хотя существуют методологические основания в виде теорий Ф.Соссюра и И.Бодуэна де Куртене, теория языковой личности еще не создана, к тому же создание такой теории подавляется тенденциями к эксплуатации уже созданной абстрактной теории социального языка. Одним из следствий этого является следующая проблема - отсутствие последовательности терминопотребления. Для разговорного типа мышления достаточно слова «язык», однако даже на научных конференциях языковеды, хотя и понимают многозначность и расплывчатость значения этого слова, часто употребляют его в неопределенном значении без дальнейших уточнений.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергсон А. Собр. соч. в 4-х т. - М., 1992. - Т. 1. - 328 с.
2. Бодуэн де Куртене И. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1998.
4. Соссюр Ф. Заметки по общему языкознанию. - М., 1990.
5. Татаркевич В. Історія філософії. - Львів, 1999. - Т. 3. - 568 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Ленинград: Наука: 1974 - 428 с.
7. Хайдеггер М. Время и Бытие. - М., 1993. - 447 с.
8. Эко У. Отсутствующая структура. - М., 1995.